

Николай Михайлович Рубцов (1936–1971)

Развитие и становление Рубцова происходило в период большого общественного интереса к поэзии, когда в литературе, при многолюдной публике, на стадионах, шумно и звонко звучали голоса «шестидесятников»: Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского, Беллы Ахмадулиной и др. Критика назвала поэзию этого направления — «эстрадной», что отражало не только публичность, массовую известность поэтов, но и публицистический, открыто гражданственный, политический пафос их творчества. В стороне от стадионов, от концертных залов и телевизионного бума вызревала иная поэзия, в ней заговорила глубина России, ее историческая и культурная память, ее тревожная совесть. В критике это явление получило определение — «тихая лирика».

Вдали от «словесной войны», от борьбы за поэтическое первенство вечный странник и бесприютный сирота на родной земле, молодой поэт Николай Рубцов обдумывал и воплощал в стихах другую, глубинную, исконную и духовно укорененную историю своей Родины:

...Мир такой справедливый,

Даже нечего крыть...

— Филя, что молчаливый?

— А о чем говорить?

(Добрый Филя)

Казалось, что Есенин сказал «Я — последний поэт деревни» — навсегда, и связь времен прервалась окончательно. Рубцов же, как никто другой, вновь выступил «поэтом деревни». Он почувствовал и выразил главную тему русской поэзии всего XX в. Это тема — тоска по России. Тема не одной исключительно эмигрантской поэзии, но именно *всей* русской поэзии. Каким-то чудесным образом именно Рубцов сумел выразить эту тоску, это всеми тайно хранимое родство с «отчавлившей Русью» и в каком-то смысле смог связать края той ускользающей есенинской нити с современной Россией:

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен...

(Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...)

В этом стихотворении, написанном в 1963 г., когда в стихах «эстрадного поэта» Ленин просвечивал страну «как рентген», Рубцов пронесит немыслимые по тем временам слова:

...Боюсь, что над нами не будет таинственной силы...

Рубцов сознавал, что ему открывается сокровенное знание: «...Я слышу печальные звуки, / Которых не слышит никто». Народ услышал эти «печальные звуки», эту печаль о России, об одиноком человеческом пути в стихах Николая Рубцова.

При жизни Рубцова было опубликовано пять сборников стихотворений: «**Волны и скалы**» (самодельная книжка, 1962), «**Лирика**» (Архангельск, 1965), «**Звезда полей**» (М., 1967), «**Душа хранит**» (Архангельск, 1969), «**Сосен шум**» (М., 1970).

После смерти поэта началось осознание истинной значимости наследия поэта и выпущено провинциальными и центральными издательствами немало книг, в том числе: «**Зеленые цветы**» (М., 1971), «**Последний пароход**» (М., 1973), «**Подорожники**» (М., 1976), «**Стихотворения (1953–1971)**» (М., 1977) – с предисловием В.В. Кожина, «**Посвящение другу**» (Л., 1984), «**Видения на холме**» (М., 1990), «**Русский огонек**» (Вологда, 1994), «**Последняя осень**» (М., 1999), «**Звезда полей**» (М., 1999). В 2000 г. в Москве вышло собрание сочинений Рубцова в 3 томах. Исследователи жизни и творчества поэта организовали ряд конференций и «чтений», опубликовали множество статей и книг о нем.

Для понимания поэзии Николая Рубцова, так неожиданно ярко и трагически скоротечно просиявшей на необъятной ниве русской литературы, необходимо вдумчивое всматривание в историю его поистине драматической жизни.

Вот как поэт рассказывал о себе: «Родился в 1936 г. в Архангельской области. Но трех лет меня увезли оттуда. Детство прошло в сельском детском доме над рекой Толшмой – глубоко в Вологодской области. Давно уже в сельской жизни происходят крупные изменения, но до меня все же докатились последние волны старинной русской самобытности, в которой было много прекрасного, поэтического. Все, что было в детстве, я лучше помню, чем то, что было день назад. Родителей лишился

в начале войны. После детского дома, так сказать, дом всегда был там, где я работал или учился. До сих пор так. Учился в нескольких техникумах, ни одного не закончил. Работал на нескольких заводах и в Архангельском траловом флоте. Служил четыре года на Северном флоте. Все это в равной мере отозвалось в стихах. Стихи пытался писать еще в детстве. Особенно люблю темы родины и скитаний, жизни и смерти, любви и удачи. Думаю, что стихи сильны и долговечны тогда, когда они идут через личное, через частное, но при этом нужна масштабность и жизненная характерность настроений, переживаний, размышлений...»¹ («Коротко о себе»).

Здесь все, чем напитались корни неповторимой лирики Николая Рубцова: и щемящая горечь сиротской доли, и вечная, камнем до смерти лежащая на сердце неприютность; и раннее потрясение от соприкосновения с тайной человеческого ухода, небытия; и благословенное принятие старой культуры в «последних волнах русской самобытности»; и счастливая осененность надежным крылом северной, вологодской родины... Одним словом, в его судьбе сложно и болезненно соединилось все то, к чему всегда так отзывчива, чему так сострадательно родственна русская душа. Рубцов тем и дороже для нас, что благодаря ему мы вдруг с мучительной радостью обнаружили в себе эту, как оказалось, нерасстраченную душевную отзывчивость, неубитую любовь к ближним, незамутненную нежность к родине, чувство живой слиянности с природой своей земли.

Народному признанию поэзии Рубцова способствовала в большинстве случаев песенная интонация, мелодическая основа его стихов, столь соразмерная и созвучная традициям русской культуры. О песенной стихии его поэзии можно писать отдельное научное исследование. Многие темы известных стихотворений поэта буквально пронизаны, как кровеносной системой, музыкальным контекстом. После Блока и Есенина, пожалуй, никто так свободно и органично не владел жанром сентиментального городского романса, ведущего свою традицию от народной песни, от бродяжьего фольклора. Не случайно среди лучших стихов Рубцова немало написанных в чисто песенном жанре. Он и сам нередко напевал свои стихи на собственную незатейливую мелодию под гитару или подыгрывая себе на гармошке. Композитор Александр Морозов написал более шестидесяти песен на стихи Николая Рубцова, тридцать лет отдав работе над прекрасным музыкальным рубцовским циклом. Многие из стихотворений поэта давно разлетелись по всей России как песни, к примеру:

---

¹ Николай Рубцов: Вологодская трагедия. М., 1998. С. 182.

Отцветет да поспеет
На болоте морошка, —
Вот и кончилось лето, мой друг!
И опять он мелькает,
Листопад за окошком,
Тучи темные вьются вокруг...

(Песня)

Притягивает читателей суровая бесприютность героя, его чувство безусловной и вместе с тем неизбежной вины:

Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.

Мать придет и уснет без улыбки...
И в затерянном сером краю
В эту ночь у берестяной зыбки
Ты оплачешь измену мою...

(Прощальная песня)

В его стихах звучат ностальгические обрывки то совсем старых, то новых песен, занесенных сюда из детства и юности поэта:

«Чудный месяц плывет над рекою», —
Где-то голос поет молодой.
И над родиной, полной покоя,
Опускается сон золотой!

(Тайна)

То в его строках возникает «синенький платочек», то «васильки», то мотивчик «купите фиалки», то он вспоминает сад, — «где пела радиола, / Где танцевали “Вальс цветов”», то в его стихи врывается рыдающая нота «**Журавлей**»:

Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на высоких своих!
Вот замолкли — и вновь сиротеет душа и природа
Оттого, что — молчи! — так никто уж не выразит их...

(Журавли)

Эти рубцовские небесные странники грустно перекликаются со знаменитыми «Осенними журавлями» Алексея Жемчужникова, из девятнадцатого века залетевшими в современные рестораны...

Есть еще один вид песни, который незримо растворен в творчестве Рубцова и о котором он однажды замечательно тонко и трогательно обмолвился в письме Александру Яшину: «Вы знаете, в собирании земляники и малины мне все чудится что-то сиротское, старинное, особенно милое и грустное, даже горестное. В одной старой песне так и поется: “Послали меня за малиной...”»¹. Мы помним и другую, более известную песню, которую Рубцов использует в стихотворении «**Эхо прошлого**»: «Вот умру, похоронят / На чужбине меня. / И родные не узнают, / Где могилка моя...». Точно так же с детства помнил поэт, с шести лет не знавший материнского тепла и отцовской ласки, вечную сиротскую историю о том, как «шел по улице малютка, посинел и весь дрожал...» Из этих песен, из этой тонкой, продуваемой всеми ветрами горестной лирики проклюнулись боль и одиночество поэзии Николая Рубцова. Эта связь ее с песней, даже с примитивными и банальными порой мотивчиками, ничуть не примитивна и не пошла, ибо нет лучшего для нас укрытия и прибежища от необъяснимой, непонятной тоски, от пугающих предчувствий, как именно в песне.

Песни в детстве мы не вольны выбирать сами, — их нам выбирает мама или судьба. Вспомним Лермонтова, осиротевшего в три года, который до конца дней своих сохранил благоговейное чувство счастья, лишь раз испытанного: «Когда я был трех лет, — писал он, — то была песня, от которой я плакал... Ее певала мне покойная мать»². А что может вспомнить человек, выросший в детском приюте? — тоже ведь песню, но уже иную —

Где-то послышится пение детского хора, —
Так — вспоминаю — бывало и в прежние годы!
(*Скачет ли свадьба...*)

Это останется с ним до конца, и простенький мотивчик не унизит его чувств, не заглушит их тишина, ибо душа, отзываясь на земное, слышит свою собственную полноту и бесконечность, свою собственную музыку:

...И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое...
(*Привет, Россия...*)

Вологодский поэт А. Романов, друживший с Николаем Рубцовым, вспоминал, что тот «любил внезапность знакомств и расставаний. Он

¹ Николай Рубцов: Вологодская трагедия. М., 1998. С. 366.

² Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1958. С. 391.

возникал в местах, где его не ждали, и срывался с мест, где в нем нуждались. Вот эта противоречивость скитальческой души и носила его, вела по Руси»¹. Думается, что А. Романов не вполне прав, объясняя «противоречивостью души» скитальчество Рубцова. Если внимательно вчитаться в его книги, то мы с удивлением обнаружим, что в русской поэзии никто не может сравниться с Рубцовым по количеству запечатленных дорог, по количеству «бездомных» стихов. И тут абсолютно иной случай и другая история, чем, скажем, у Блока, у которого «вопрос о пути личности, и прежде всего о своем собственном пути, все чаще совпадал или перемежался... с обдумыванием общего пути»².

Для Рубцова путь — изначально не вопрос философии, а вопрос жизни, того самого сиротства, которое всегда чувствует себя стеснительно и неудобно возле чужого тепла, боясь показаться излишне назойливым или жалостным. Для него путь — судьба, а потому — одновременно и дом, и дорога к дому. И все ему чудилось, что он дойдет до этого дома и непременно окажется, что «Вон то село, над коим вьются тучи, / Оно село родимое и есть...» (**«В полях сверкало. Близилась гроза...»**)

Получается, что для него путь — исповедь, только в дороге он предоставлен во всей свободе своим чувствам, мыслям, обидам, слезам. Не случайно все события в стихах Рубцова происходят именно в пути — встреча ли это с лошастью или видения на холмах, осенняя ли это непогода или ночлег в незнакомой избе, волнующий ли это пейзаж или остающийся на берегу взгляд «милых сиротских глаз»... «По дорогам даже в поздний час / Я всегда ходил без опасенья», — скажет он. Но этот «час» у него обычно не только поздний, но и всегда ненастный, тревожный, одинокий. Да и какая нужда была бы в ночном странствии, если бы рядом оказалась родная заботливая душа, которая ни за что не отпустит сына ли, брата, друга в неизвестность ночи. Рубцов не раз, по описаниям друзей (Виктора Коротаева, Александра Романова), тянулся к их родительскому домашнему очагу, часами мог беседовать с матерью каждого из них. Видимо, только там, у сострадательных русских крестьянок, находил он искреннее сочувствие своему сиротству, со временем приобретаемому в нем какое-то уже всеобщее, надысторическое качество. Его стихи как бы отрываются от личного опыта, от факта личной биографии, поднимаясь до философского смысла, которым литература занята с древних времен.

¹ Николай Рубцов: Вологодская трагедия. М., 1998. С. 425.

² Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1976. С. 109.

Именно с этим, а не с «противоречивостью души» связаны такие, например, строки Николая Рубцова:

Я сильный был, но ветер был сильней,
И я нигде не мог остановиться...
(Привет, Россия...)

Отсюда и другие «дорожные», а по существу эпические мотивы его лирики: «...Так полюбил я древние дороги // И голубые / вечности глаза!» Прочитированное стихотворение «**Старая дорога**» заканчивается словами, в которых мы безошибочно узнаем Россию Рубцова (как узнавали тютчевскую, есенинскую, блоковскую):

Здесь каждый славен — мертвый и живой!
И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, переключаясь
Со всей звенящей солнечной листвою,
Переключаясь с теми, кто прошел,
Переключаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошел,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пойдет через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...

Безусловно, Рубцов является наиболее ярким продолжателем традиции русской пейзажной лирики. Его многое роднит с предшественниками, но есть у него немало отличительного. Тютчевское отношение к природе «Всё во мне, и я во всем!..» для сиротского мироощущения Рубцова верно лишь наполовину. Сказать о себе «и я во всем» он, быть может, и хотел бы, да не мог, не посмел бы... Но того, как он чувствовал своим одиноким сердцем «всё во мне», такого трагического и выстраданного укоренения в себе русской природы, готовности к родству с тихою родиной своих предков — литература ни до, ни после него не знала:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.
(Тихая моя родина)

Его стихи тематически и живописно иногда переключаются с бунинской поэзией и прозой. Так, стихотворения «**Вечернее происшествие**»

мнения, что «Видения на холме» стоят в одном ряду с блоковским циклом «На поле Куликовом». Но «Видения...» воспринимаются острее и тревожней, потому что в них прямо и косвенно отражен в трагической полноте опыт XX в., а значит, и наш с вами личный опыт. Николай Рубцов нашел, кажется, единственно верные, освященные духом любви слова, которые болью отзываются в каждом сердце:

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов

в окрестностях

России...

Поэт прозревает, чтобы предупредить, спасти, а если сбудется видение, стихами своими помочь одолеть беду. Точно так же он заглядывает и за край собственной судьбы... Николай Рубцов предсказал свой уход с точностью до одного дня: «Я умру в крещенские морозы...» 19 января 1971 г., на Крещение, поэта настигла смерть. Суд признал виновной в гибели поэта женщину, которую Рубцов, кажется, действительно любил. В характере Рубцова было немало сложного, порой тяжелого, беспокойного, он был способен не только на нежность, но и на вызывающую грубость, провоцирующую конфликтность. Но все, что было горького в жизни поэта, все его мытарства и унижения, все его обиды и слезы — все осталось на совести современников. Женщину, которая явно не годилась на роль ангела в трудной биографии поэта, он любил и связывал с нею надежды о собственном доме и семейном счастье.

Поэт ни одним словом в своем светлом и интуитивно христианском творчестве никогда и никого не упрекнул, никому не припомнил обиды. Как, должно быть, горько улыбался он в ответ на вопрос друзей-литераторов: «Как ты пишешь?» — «Сперва ставлю свою фамилию, — отшучивался поэт, — а остальное является само собой»¹. А в это время сообщал в письме С.В. Викулову: «Вообще я никогда не использую ручку и чернила и не имею их. Даже не все чистовики отпечатываю на машинке, — так что умру, наверное, с целым сборником, да и большим,

¹ Николай Рубцов: Вологодская трагедия. М., 1998. С. 411.

стихов, “напечатанных” или “записанных” только в моей беспорядочной голове»¹.

Поэт знал на собственной судьбе открывшуюся ему опасную и далеко не «тихую» глубину поэтической формулы о «самой смертной связи» — «с каждой избою и тучею». Этот ряд продолжен еще одним тревожным образом — с «громом, готовым упасть». Такова наша история: мы любим болезненно, надрывно, с предельной самоотдачей, не жалея ни себя, ни самой своей жизни. У поэта лишь то преимущество, что он умеет заглядывать за край последней тайны, хотя и не сам делает последний выбор.

Почему именно Рубцов стал безусловным явлением национальной культуры, вошел в нее сам собою, без всякого давления, и, как теперь сказали бы, без всякой раскрутки в средствах массовой информации — в народное сознание? Случилось так, как предсказано в его знаменитом «**Экспромте**»:

Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом еще на чем-то вроде,
Потом верхом, потом пешком
Пройду по волоку с мешком —
И буду жить в своем народе!

Каждый из поэтов поколения, вошедшего в литературный процесс в 1960-е гг., оставил свой заметный след в русской поэзии, но многие из них не могли не признать, что Рубцов — один-единственный в своем роде. В нем соединились какие-то очень важные, главные качества русской поэзии второй половины XX в., нашли себя предчувствия будущей боли, переживаемой Россией в новейшей истории, пророческое слово об этом будущем.

Валентин Распутин писал в начале 1980-х гг.: «В поэзии Николай Рубцов, в прозе Василий Шукшин, в драматургии Александр Вампилов... — кажется, самую душу и самую надежду почти в одно время потеряла с этими именами российская литература... И, кажется, сама совесть навсегда осталась с ними в литературе...»². Горечь, тревожные настроения пронизывают русскую поэзию последних десятилетий.

Откровенно смелый, дерзкий в своем вызывающе честном соотношении себя с национальными историческими, культурными ценностями

¹ Николай Рубцов: Вологодская трагедия. М., 1998. С. 379.

² Распутин В.Г. «Истины Александра Вампилова» // Вампилов А. Старший сын. Иркутск, 1977. С. 5.

ми, Рубцов создал лирику высочайшего патриотического накала и непостижимого эстетического совершенства.

Литература

- Бараков В.* Отчизна и воля: Книга о поэзии Николая Рубцова. Вологда, 2005.
- Белков В.* Жизнь Рубцова. Вологда, 1993.
- В мире Рубцова... Выпуски 1–13. Вологда, 1991–1997.
- Дербина Л.А.* Все вещало нам грозную драму...: Воспоминания о Николае Рубцове. Вельск, 2001.
- Кожин В.В.* Николай Рубцов. М., 1976.
- Кожин В.В.* Воспоминания о Рубцове. Архангельск; Вологда, 1983.
- Коняев Н.М.* Ангел Родины. Ростов-на-Дону, 1998.
- Коняев Н.М.* Николай Рубцов. М., 2006.
- На вершине земли Кольской: Рубцовские чтения в г. Апатиты. Мурманск, 1994.
- Николай Рубцов: Время, наследие, судьба. Литературно-художественный альманах. № 1–3. СПб., 1994.
- Николай Рубцов: Вологодская трагедия / Сост., подг. текстов Н.М. Коняева. М., 1998.
- Оботуров В.* Искреннее слово: Страницы жизни и поэтический мир Н. Рубцова. М., 1987.
- Сафонов В.* Повесть памяти. М., 1992.
- Старичкова Н.А.* Наедине с Рубцовым: Воспоминания. Вологда, 2001.